

УДК 81.362

НАРОДНЫЕ ПРИМЕТЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

© Н.А.Андримонова

В статье рассматривается содержательная структура контекстов, включающих народные приметы, определяются способы их реализации и выполнения функции.

Ключевые слова: художественный дискурс, народные приметы, диктум, модус, текстовая функция.

Паремиологический фонд русского языка достаточно полно и разносторонне изучен как с позиций структурно-семантического, так и коммуникативно-прагматического подходов, однако народные приметы остаются менее исследованными, хотя интерес к ним в последние десятилетия значительно увеличился (работы В.К.Харченко, Е.Е.Тонковой [1], Н.Н.Фаттаховой [2], Т.С.Садовой [3], М.А.Кульковой [4] и др.) и достигнуты значимые результаты в понимании статуса народных примет, их семантико-синтаксической, пропозиционально-модусной и прагматико-предсказательной природы.

Что касается их текстовой и функционально-коммуникативной реализации, то она менее выявлена, хотя обращена к дискурсу, прежде всего художественному, что дает возможность углубить знания о народной примете (НП) как специфической паремиологической единице, ее назначении в пространстве текста.

Проанализированный фактический материал, извлеченный из целого ряда произведений различных авторов, прежде всего относящихся к XIX столетию, свидетельствует о том, что народные приметы наиболее частотны в произведениях А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, Д.Н.Мамина-Сибиряка, И.А.Бунина, А.И.Куприна, А.П.Чехова, А.Н.Островского, П.И.Мельникова-Печерского, В.Я.Шишкова.

Так, А.С.Пушкину, ориентирующемуся на народность, испытывающему огромный интерес к фольклорным жанрам, обычаям, говорящему о прелести сказок, загадок, поверий, был присущ интерес и к народным приметам, которым были посвящены специальные стихотворения, в одном из них представлена развернутая характеристика НП:

*«Так, если лебеди на лоне тихих вод,
Плескаясь вечером, окличут твой приход,
Иль солнце яркое зайдет в печальны тучи,
Знай, завтра сонных дев разбудит дождь ревучий,
иль бьющий в окна град, ратный селянин,*

*Готовясь уж косить высокий злак домин,
Услыша бури шум, не выйдет на работу
И погрузится вновь в ленивую дремоту»* [5: 346].

Семантическая структура данной строфы включает возможные денотативные ситуации, их вторичное знаковое прочтение – последствия реализации (*дождь, град*), эксплицитный предсказательный компонент – *знай*, налицо также факультативный прагматический компонент, прогнозирующий поведение селянина.

Любопытны и высказывания писателей о сущности народной приметы, вносящие определенные значимые соображения в ее осмысление. Например, в рассказе «Волшебный ковер» А.И.Куприн пишет: *«Но есть, однако, в этом удивительном аппарате, в человеческом мозгу, какие-то таинственные кладовые, в которых, независимо от нашей воли и желания, хранится бережно все, что мы когда-либо видели, слышали, читали, думали или чувствовали – все равно, было ли это во сне, в грезах или наяву»* [6: V, 600].

Д.Н.Мамин-Сибиряк наделяет одного из своих персонажей таким размышлением: *«В самом деле, в жизни так много непонятого и таинственного, а с другой стороны, ведь эти приметы на чем-то основаны, если им верит стомиллионная масса простого народа»* [7: 318].

Сути народных примет и их истолкования касается и Л.Н.Толстой, рассуждая о причинах исторических событий и природных явлений: *«Крестьяне говорят, что поздней весной дует холодный ветер, потому что почка дуба разворачивается, и действительно всякую весну дует холодный ветер, когда разворачивается дуб. Но хотя причина дующего при разворачивании дуба холодного ветра мне неизвестна, я не могу согласиться с крестьянами в том, что причина холодного ветра есть разворачивание почки дуба потому только, что сила ветра находится вне влияния почки. Я вижу только совпадение тех*

условий, которые бывают во всяком жизненном явлении...» [8: 465].

В этом аспекте определенное пояснение внесит Э.Сепиром, который прозорливо полагал, что «<...> те концепции и отношения, которыми первобытные народы совершенно не способны владеть на уровне сознания, выражаются вне контроля сознания в языках этих народов – при этом нередко чрезвычайно точно и изящно. По существу, причинное отношение, выражаемое лишь фрагментарно в современных европейских языках, во многих «примитивных» языках передается с удивительно строгой философской последовательностью» [9: 254].

Мысли Э.Сепира созвучны с идеями И.А.Бодуэна де Куртене о значимости «постоянной зависимости явлений» [10: I, 11] и Н.В.Крушевского о картинности младенческого ума [11].

Паремиологические единицы, будучи вторичными лингвокогнитивными образованиями, отличаются емкостью семантики, эксплицитностью и имплицитностью ее выражения. Рассмотрение их смысловой нагруженности, невыраженных звеньев содержания, а также текстообразующих и текстоореализующих функций способствует более глубокому и полиаспектному осмыслению этих единиц, в том числе и народных примет.

В этом ракурсе значительный интерес представляют текстовые фрагменты, которые передают визуально-ментальные процессы, связанные со структурированием народных примет. Проследим это на примере отрывка из романа А.И.Куприна «Жанета – принцесса четырех улиц» (Ч.Ш): «Вчера, возвращаясь домой, профессор Симонов видел, как далеко за черными деревьями и кустами Булонского леса пламенели и тлели красные угли вечерней зари, а над лесом, по правую руку от Симонова, стоял серебряный обрезок молодого месяца.

«Месяц ясный, небо чистое, заря рдяная – значит, завтра будет ветер», – подумал профессор и, вынув из жилетного кармана франк, показал его заново очищенному, блестящему серпику...Новая луна приходилась справа: к прибыли. У него совсем не было предрассудков, но он любил всякие старинные обычаи и привычки – пусть даже и вздорные, – как крепкое утверждение простого и полного быта. Он говорил иногда, что примета идет впереди точного знания, а науки о душе, позади суеверия.

И правда, сегодня дует сильный северо-западный ветер. Отворив рано утром окно, чтобы выпустить черного кота, случайного ночлежника, на волю, Симонов увидел, как широко

ко раскачиваются на той стороне улицы вершины диких платанов, и ясно почувствовал отдаленный, еле уловимый, кислотоватый, волшебный запах океана» [6: VI, 431].

В данном контексте содержится детальная образная характеристика содержательной структуры народной приметы. В первом абзаце, относящемся к репродуктивно-изобразительному регистру, представлено восприятие двух конкретных ситуаций (*Симонов увидел*).

Второй абзац носит информативно-модусный характер – это модус знания и семантика предсказания, в нем реализована вторичная знаковая функция воспринимаемых ситуаций, находящая выражение в двух народных приметах, одна из которых относится к предсказанию погоды – ветра, другая связана с суеверными представлениями, ориентированными на фазу луны.

Третий абзац нацелен на раскрытие отношения человека к приметам, то есть задействована категория веры/неверия.

И наконец, 4-й абзац посвящен указанию на истинность, осуществление предсказания (*и правда, сегодня дует сильный северо-западный ветер...*). В нем реализован репродуктивно-изобразительный регистр, дано восприятие ряда ситуаций конкретного характера, подтверждающих наличие ветра (*увидел, почувствовал*).

Рассмотренный контекст свидетельствует о ходе мыслительного процесса при возникновении и употреблении народных примет, он вербализует имплицитные составляющие, обеспечивает прикрепленность НП к конкретной ситуации (исходной и, как правило, финальной). В художественном дискурсе паремии, в том числе и НП, «<...> являются не изолированными, как это имеет место в сборниках, но высказываются в отношении того или другого житейского случая и с выражением» [12: 13].

В художественном дискурсе частотны НП, предназначенные для предсказания погоды, имеют место связанные с сельским хозяйством при соответствующей проблематике, достаточно употребительны суеверные народные приметы.

Так, из числа суеверных нередко встречается примета «Заяц дорогу перебежит – к несчастью». Эта примета легла в основу рассказа А.П.Чехова «Не судьба»: «Ну, кажись благополучно доехал...Ай! Шилохвостов вдруг побледнел и вскочил, как ужасенный. – Заяц! Заяц! – закричал он. Заяц дорогу перебежал. Ах, черт подери, чтоб его разорвало! – Ворочай назад, Митька! Не судьба!» [13: III, 348].

Помимо зайца, переход дороги не сулит ничего хорошего, если это сделает женщина (баба, тетка): «Навстречу шла за водой тетка. Жестя-

ные ведра ее сияли и казались сделанными из стекла. – Нажад, паря, нажад! – заорал провожавший путников хозяин, – Айда в проулок!

- Почему? – удивился Прохор.
- Ежели баба встречь – пути не будя.

Путники повиновались: пусть все благоприятствует их удаче. Хозяин объяснил им, что зловреднее бабы никого на свете нет» [13: Ш, 73].

В художественном дискурсе находит свою реализацию и примета «Зеркало разбить – к худу» (В.Даль). Соответствующий фрагмент текста представлен в романе Б.Акунина «Пелагия и белый бульдог»: «Сестра Пелагия хотела руку за спину спрятать, да так неловко, что зеркальце упало. Подняла – нехорошо: две третины крест накрест, а всем известно, что это за знак. Ничего хорошего он не предвещает. К плохим приметам Пелагия вопреки монастырскому уставу относилась серьезно и не из невежества: неспуста они за долгие века народом выделены и перечислены» [14: 28]. Последующее повествование подтверждает правдивость данной приметы.

Имеют место и народные приметы, связанные с сельскохозяйственными работами, прагматически значимые для «сельщины-деревенщины». Так, в произведении П.И.Мельникова-Печерского «На горах» дана сводная характеристика соответствующих примет: «После холодных дождей, ливших со дня Андрея Страстита (19 августа), маленько теплыню было повеяло: батюшка – юг на овес пустил дух». Но тотчас же мученик Лупп (23 августа) «холодок послал с губ» – пошли утренники... Брусника поспела, овес обронял, точи косы хозяин – пора жито косить: «Наталья-овсяница в яры спешит, а старый Тит перед ней бежит (26, 25 августа), велит мужикам Одонья вершить, овины топить, новый хлеб молотить. Много на лету тенетнику, перелетные гуси то и дело садятся на землю, скворцы не летят на Вырей, значит «бабье лето», а может, и целая осень будет сухая и ведряная... Зато по тем же приметам ранней, студенной зимы надо ждать. Радостью радуется сельщина-деревенщина: и озими в меру поднимутся, и хлеб молотить сподручнее будет» [15: 527].

Наиболее частотна семантика предсказания в сфере погодных явлений. Она достаточно широко представлена в произведениях К.Паустовского. Он пишет о том, что подобные народные приметы «<...> связаны со всем: с цветом неба, с росой и туманами, с криком птиц и яркостью звездного света» [16: IV, 199]. Например, приметам дождя, по К.Паустовскому, яв-

ляются следующие явления: «Солнце садится в тучи, дым припадает к земле, ласточки летают низко, без времени голосят по дворам петухи, облака вытягиваются по небу длинными туманными прядями...» [16: II, 566].

Народные приметы о погоде наиболее значимы для моряков, рыбаков, охотников, путешественников, они обычно присутствуют в рассказах, посвященных им: «Шторм бил в скулу миноносца, и ветер плакал в снастях <...> боцман был недоволен приметам: свист снастей, выход в море в понедельник и окурок, найденный на палубе, не предвещали добра» [16: IV, 481]. «Давеча перед обедом по полю я ходил – тенетнику над озимью видимо – не видимо, и мошка толчется, – улов будет богатый» [16: IV, 33]; «солнце заходило. Его закат был яркий и ясный, но спокойный и ветер спадал: почти верный признак того, что завтра утром погода будет сухая и безветренная. Самое благоприятное для глухариних токов» [16: VI, 93].

Как видно из приведенных примеров, народные приметы разворачиваются, подаются в описательной форме, исходный компонент получает в них конкретный характер, указывая на реальную, наличную, а не предполагаемую ситуацию.

Художественный дискурс отличается еще и тем, что в нем, как правило, представлен и микротекст, осуществляющий указание на истинность, правдивость НП, реализацию предсказания. Этот компонент текста может непосредственно следовать за исходным, однако чаще он подается через некоторое расстояние или проходит через весь текст, цементируя его, т.е. выполняет структурирующую нагрузку.

Текстовый подход позволяет акцентировать антропологический фактор веры / неверия в НП. Преобладает их принятие, вера в них, хотя представлено и неверие: «Перед тем, как вставать из-за стола, Вера Николаевна машинально пересчитала гостей. Оказалось – тринадцать. Она была суеверна и подумала про себя: «Вот это нехорошо! Как мне раньше не пришло в голову пересчитать?» [6: IV, 445-446]; «Моя Зорька внесла меня в ворота графской усадьбы. У самых ворот она споткнулась, и я, потеряв стремя, чуть было не свалился на землю. – Худой знак, барин! – крикнул мне какой-то мужик... Я верю в то, что человек, упавший с лошади, может сломать себе шею, но не верую в предзнаменование» [6: III, 18].

Отношение к народным приметам, вера в сны, гадания, заговоры в художественном произведении нередко служит средством характеристики персонажей, создания его образа, показателем «русскости». Так, А.С.Пушкин наделяет

знанием народных примет и верой в них Татьяну Ларину: «*ее тревожили приметы, Таинственно ей все предметы Провозглашали что-нибудь, Предчувствия теснили грудь...*» и далее: «*Когда случилось где-нибудь ей встретить черного монаха Иль быстрый заяц меж полей Перебегал дорогу ей, Не зная, что начать со страха, Предчувствий горестных полна. Ждала несчастья уж она*» [5: 132-133].

И.С.Тургенев включает эти данные при описании ряда героинь: «*Арина Власьевна была настоящая русская дворяночка прежнего времени. Она <...> верила во всевозможные приметы, гадания, заговоры, сны <...> в четверговую соль, в скорый конец света, верила, что если в Светлое воскресенье на всенощной не погаснут свечи, то гречиха хорошо уродится, и что гриб больше не растет, если его человеческий глаз увидит...*» [17: 134].

А.И.Солженицын, говоря о Матрене, пишет: «*Даже скорей она была язычница, брали в ней верх суеверия: что на Ивана Постного в огород зайти нельзя – на будущий год урожая не будет, что если метель крутит – значит, кто-то где-то удавился, а дверью ногу прищемишь – быть гостю*» [18: 126].

Нередко одна и та же ситуация воспринимается персонажами неодинаково: как знаковая и незнаковая. При этом первое понимание наблюдается при описании женских образов. Так, И.А.Бунин в рассказе «Маленький роман» включает следующий эпизод: «*...> «вдруг что-то зашуршало в сухой перепутанной хвое и оттуда комом вынырнула большая головастая сова. Она метнулась на нас...и взвилась на своих широких круглых крыльях. Она отшатнулась и стала <...> Не к добру, – сказала она, покачав головой. Я улыбнулся. – Уверяю вас, не к добру, – повторила она просто и настойчиво*» [19: I, 305]. Последующий текст рассказа свидетельствует об осуществлении этого предзнаменования.

Народная примета как в системе языка, так и в художественной речи может быть охарактеризована и в аксиологическом аспекте как по позиции *добро/зло*, так и *хороший/плохой*. Составляя облигаторный компонент семантической структуры многих НП, оценочность выражается не только эксплицитно, но носит и имплицитный характер. Формально выраженной она становится в том случае, если представляет собой структурно-обязательную часть приметы, выраженную лексемами *добро/зло, счастье/несчастье, удача/неудача*: «*Чайную чашку Дарья Сергеевна выронила из рук и та разбилась вдребезги. – Колотите больше, – усмехнулся Марко Данилыч. – Это, говорят, на счастье*». В данном примере

просматривается неодобрительное отношение персонажа к случившемуся: «*Когда-то он свято верил, что расспроси – гибель для задуманного дела: «закудакали» – добра не будет*» [19: III, 196].

Лексемы *хороший (добрый), плохой (худой)* становятся необходимыми при семантически неполных словах (приметы, знаки, предзнаменования и т.п.), нуждающихся в атрибутивной поддержке: «*Берегитесь! – закричал я ему. Не падайте заранее: это дурная примета. Помните Юлия Цезаря* [20: IV, 446]. *В доме зеркало треснуло, погляди-ка <...> примета самая худая <...> Прошенька-то наш, господи...*» [21].

«Начинающее потухать синее небо все в белых барашках; закат тихий, розовый – приметы хорошей погоды на завтрашний день [6: VI, 412]; Потом бабьим летом паутины много село на поля. Это тоже добрый знак: много тенетника на бабье лето – осень ядреная» [19: I, 184].

Заметим, что суеверные приметы чаще наделены негативной оценкой, погодные и сельскохозяйственные – как положительной, так и отрицательной. Ряд НП допускает разную оценку со стороны персонажей художественных произведений, некоторые из них не поддаются классификации, те, в которых заложены определенные знания об аналогичности природных явлений (*Когда цветет черемуха – бывает холодно*).

Итак, рассмотрев ряд аспектов функционирования народных примет в художественном дискурсе, можно заключить, что в нем отражается и ход мыслительного процесса – от наблюдаемой денотативной ситуации до ее вторичного понимания с учетом имеющихся паремиологических знаний. При этом в отличие от примет, зафиксированных в словарях, текстовые варианты их употребления способствуют конкретизации исходного компонента, переводу значения предположения (условности) в сторону утверждения наличия той или иной ситуации. Наряду с модулем знания, предсказания, который носит облигаторный характер, художественный дискурс раскрывает и семантику веры/неверия в приметы. Функциональный аспект освещения народных примет обычно свидетельствует о наличии текстовых фрагментов контактного или дистантного характера, удостоверяющих их правдивость, истинность, осуществление.

Что касается основных функций НП – это функции структурирования текста, характеристики персонажей, семантической доминанты произведения. Вербализация имплицитных звеньев и контекстуальное расширение эксплицитных стимулирует глубинное осмысление народных примет, высвечивает их эмоционально-

экспрессивное наполнение и прагматическую заданность.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ №12-14-16021а/В/2012 «Волжские земли в истории и культуре России – 2012», проект «Русская и сопоставительная паремиология в Татарстане: истоки развития».

1. Харченко В.К., Тонкова Е.Е. Лингвистика народной приметы. – Белгород: Белгородская областная типография, 2008. – 224 с.
2. Фаттахова Н.Н. Семантика и синтаксис народных примет в русском и татарском языках: сопоставительный аспект. – Казань, 2002. – 168 с.
3. Садова Т.С. Народная примета как текст и проблемы лингвистики фольклорного текста. – СПб, 2004. – 373 с.
4. Кулькова М.А. Когнитивно-смысловое пространство народной приметы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Казань, 2011. – 52 с.
5. Пушкин А.С. Сочинения. – Л.: Госиздат худ. лит-ры, 1935. – 975 с.
6. Куприн А.И. Собрание сочинений: в 9 т. – М.: Худ. лит-ра, 1964. – Т. III. – 584 с.; Т. IV – 792 с.; Т. V – 796 с.; Т. VI – 830 с.
7. Мамин-Сибиряк Д.Н. Рассказы; Легенды. – М.: Правда, 1984. – 448 с.
8. Толстой Л.Н. Война и мир. – М.: Огиз, 1945. – 686 с.

9. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс; Универс, 1993. – 656 с.
10. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. – М: АН СССР, 1963. – Т.1. – 384 с.
11. Крушевский Н.В. Заговоры как вид русской народной поэзии. – Варшава: Тип. Ивана Носковского, 1876. – 69 с.
12. Богородицкий В.А. Психология поэтического творчества: Публичная лекция. – Казань: Типография Императ. ун-та, 1900. – 27 с.
13. Чехов А.П. Собрание сочинений: в 12 т. – М.: Госиздат худ. лит-ры, 1954. – Т. I. – 468 с.; Т. III. – 610 с.
14. Акунин Б. Пелагия и белый бульдог. – М: Астрель, 2001. – 285 с.
15. Мельников-Печерский П.И. В лесах. На горах: В 2 кн. – М.: Госиздат худ. лит-ры, 1956.
16. Паустовский К. Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Госиздат худ. лит-ры, 1957. – Т. II. – 704 с.; Т. IV – 656 с.
17. Тургенев И.С. Отцы и дети. – М.: Дет. лит-ра, 2012. – 300 с.
18. Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. – Т. III: Рассказы. – М.: ИНКОМ НВ, 1991. – 287 с.
19. Бунин И.А. Собрание сочинений: в 5 т. – М.: Правда, 1956. – Т. I. – 456 с.; Т. III. – 400 с.
20. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958-1959. – Т. IV – 480 с.
21. Шишков В.Я. Угрюм-река. – М.: Госиздат худ. лит-ры, 1954. – 468 с.

FOLK OMENS IN FICTIONAL DISCOURSE

N.A.Andramonova

In this article the structure of the contexts containing folk omens is discussed, the methods of their realization and functioning are defined.

Key words: fictional discourse, folk omens, dictum, modus, text function.

Андрамонова Наталия Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания Института филологии и искусств Казанского федерального университета.

E-mail: kaf_rus@mail.ru

Поступила в редакцию 14.05.2012